

Константин Анатольевич Матаков
(Брянский государственный университет)

Тютчев о России и Европе

Słowa kluczowe: Fiodor Tyutczew, Rosja, katolicyzm, Europa, prawosławie, rewolucja.
Keywords: Fyodor Tyutchev, Russia, Catholicism, Europe, Orthodoxy, revolution.

В статье «Россия и революция», написанной в 1849 под впечатлением от революционных событий 1848 года в Европе, Тютчев сразу же формулирует основной тезис: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия»¹. Россия – это Восток, Империя, Порядок. Революция – это Запад, Хаос. Поэт убежден, что скоро эти силы непременно схватятся между собой, и это будет борьба между добром и злом – не на жизнь, а на смерть. Дальнейшая расшифровка основополагающего тезиса также очевидна: «Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего – враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя»². Т.е. борьба между Россией и революцией – это не больше, не меньше, как борьба Бога с дьяволом; говоря о шестидесяти годах, Тютчев, конечно, имеет в виду время, прошедшее от начала Французской революции 1789 года до 1849.

¹ Ф. И. Тютчев, *Россия и революция*, URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-144-htm> [dostęp: 7.07.2015].

² Тамże.

Постсоветский русский начала 21 века, прочитав эти слова русского поэта, дипломата и философа, тут же усмехнется: какая там христианская держава? Какой православный народ? Да Вы, Федор Иванович, шутить изволите? Нет, Тютчев не шутит – он серьезен, как никогда. И с этой серьезностью он разоблачает дух революции:

не подумает ли каждый, кто услышит наивно богохульственные разглагольствования, ставшие как бы официальным языком нашей эпохи, что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон? Ведь именно подобное призвание торжественно приписали себе созданные ею силы, правда с одной поправкой, которую Революция приберегла для себя, – дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие – принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом³.

Так ведь это и есть дух антихриста вместо духа Христа: смирение заменить гордостью, а милосердие – «соцобеспечением» и повышением налогов для богатых; страх Божий заменяется страхом перед народом, который может взбунтоваться. Любой историк знает, как Французская революция, провозгласившая «свободу, равенство и братство», очень быстро перешла к рабству, неравенству и вражде – террористическому режиму и тысячам трупов. Даже само выражение «враги народа», слишком хорошо знакомое теперь в России, было озвучено именно тогда. Разумеется, Федор Иванович еще не знает, что через 70 лет после написания этой статьи новая революция, теперь уже в его родной России, проявит дух антихриста значительно ярче и более жестоко, чем французские якобинцы. Русские революционеры уже не будут прикрываться религиозностью, как французские, а открыто провозгласят безбожие и уничтожение любой религии, а особенно – истребление православного христианства.

Тем самым, противопоставление России и Революции не только не оправдывает себя, но, наоборот, выяснится, что та самая, православная и имперская Россия, оплот истинного христианства, – это и есть Революция. Так что здесь русский поэт оказался плохим пророком, и даже антипророком. Зато относительно Германии его оценка звучит как более близкая действительности:

Германия, бесспорно, – та страна, о которой уже давно складываются самые странные представления. Ее считали страной порядка, потому что она была спокойна, и не хотели замечать жуткой анархии, которая в ней заплывала и опустошала умы. Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство – гордыню ума – столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко расправленной, как в Германии. По мере своего революционирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России⁴.

³ Там же.

⁴ Там же.

Тютчев был знаком с философией немецких идеалистов (особенно, Шеллинга), знал он и о Марксе. Полагаю, что и о суперлиберальных тенденциях в богословии немецких лютеран (вплоть до отрицания историчности Христа!) он был осведомлен. И про немецкую гордыню ума, эту «Фаустову болезнь», как потом скажет Шпенглер, он говорил со знанием дела. Читая этот анализ духовного состояния Германии, невозможно избавиться от чувства, что поэт как будто предвидел будущий немецкий нигилизм: идеологию Маркса, сторонники которой сокрушат русскую империю, и тот факт, что немцы развяжут две мировых войны в 20 веке, от которых сильно пострадает Россия – вот вам и «возрастание ненависти к России».

Естественно, Тютчев помнит, что от немцев ничего хорошего нельзя ждать не только русским, но и остальным славянам. Например, он упоминает, что «в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец»⁵. Да, угнетенные чехи и словаки под властью немцев, – известная история, но сочувствуют ли эти славяне русским и православию, учитывая панславистские идеи Тютчева и его мечту о возвращении католиков лоно православия? Он считает, что да:

Все, что еще сохраняется от истинно национального существования Богемии, заключено в ее *гуситских* верованиях, в постоянно живом протесте угнетенной славянской народности против захватов римской Церкви, а также против немецкого господства. Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды *чеха* из Богемии с его восточными собратьями. Нельзя переусердствовать в настойчивом внимании к этому предмету, поскольку именно в сочувственных воспоминаниях о Восточной Церкви, в возвращениях к *старой вере* (гуситство в свое время служило лишь несовершенным и искаженным ее выражением) и сказывается глубокое различие между Польшей и Богемией⁶.

Поэт даже написал в 1870 г. стихи о герое чешского народа Яне Гусе, сожженном католической церковью:

Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте,-
Не изменив ни Богу, ни народу,
Боролся он - и был необорим –
За правду Божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.
Он духом в небе - братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,

И светел он, что собственной кровью
Христову кровь он отстоял для них.
О чешский край! о род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!
И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено⁷.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Ф.И. Тютчев, *Гус на костре*, URL: <http://rupoem.ru/tyutchev/all.aspx#koster-sooruzhen-i> [dostep: 7.07.2015].

Увы, но здесь слишком очевидно, что поэт пытается выдать желаемое за действительное. Из того факта, что Гус протестовал против некоторых аспектов католичества (например, он был против богослужения только на латыни и причащения только Телом Христа), и был казнен по решению римской церкви, еще не следует его тяготение к православию. Да, служба на национальном языке (тем более, славянском), причащение под двумя видами – все это должно быть близко русскому и православному. Но, – ни из работ самого Гуса, ни из истории гуситского движения, – не видно, чтобы здесь было какое-то явное стремление именно к восточному богословию и Православной Церкви. Не случайно ведь, что и протестанты числят Гуса в числе своих предшественников – хотя в целом он остается скорее «неортодоксальным католиком», чем протестантом (допустим, Гус выступал в защиту почитания икон, что неприемлемо для протестантов). Т.е. не любой протест против Рима следует тут же относить к попытке устремиться в православие. Да и само стремление служить на родном языке и причащаться под двумя видами несколько не приближает к православию – протестанты в 16 веке тоже выступали за это. Кроме того, надо учитывать, что гуситы довольно рано разделились на два крыла – более умеренное (утраквисты) и более радикальное (табориты). Табориты скорее ближе к радикальным протестантам Реформации, чем к православию. И потому закономерно то обстоятельство, что в 16 веке значительная часть оставшихся гуситов присоединилась к лютеранской церкви. Сегодня же говорить о тяготении чехов и словаков к соединению с православием вообще не представляется возможным: в Чехии католичество находится в серьезном кризисе и все более распространяется безверие; в Словакии позиции Рима прочнее, но особого тяготения к православию также незаметно.

Тютчев с сочувствием приводит мнение одного чешского патриота: «Богемия, – говорил мне Ганка, – будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией»⁸. Да уж, попадание пальцем в небо налицо. Попробуйте в современном Львове заявить, что славяне освободятся, когда Россия вновь будет в Галиции. Тут можно только в очередной раз вспомнить, что человек предполагает, а располагает лишь Бог. Но великий поэт России захвачен идеей объединения славян и воссоединения церковей, идеей, которую воплотит Россия во главе в императором. А посему он рисует следующую грандиозную картину:

Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не усташит величия своих судеб, не отступит перед своим призванием. И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же на-

⁸ Ф. И. Тютчев, *Россия и революция*, URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-144-htm> [dostep: 7.07.2015].

громожденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками... И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?⁹.

Очередная апокалиптика: Запад гибнет, но мы его спасем. Русские любят апокалиптические настроения: разве весь период коммунизма нам не внушали, что Запад загнивает и вот-вот рухнет, и перестанет гнить только тогда, когда весь мир будет охвачен красным знаменем? И в результате рухнула коммунистическая империя, как до этого империя российская.

Идея Святого Ковчеха, означающая избранность русских, их веры, их государства, на уровне реального воплощения оказалась утопией. И, напротив, то, что несомненно во времена Тютчева (и ему самому) казалось утопией, в России 20 века стало ужасающей реальностью. В 1928 году, уже после катастрофы 1917, другой русский поэт, Владислав Ходасевич, в статье о Тютчеве напишет:

[...] жизнь очень скоро опровергла если не философские идеи, то реально-политические предвидения Тютчева. Судьбы папства, Франции, Германии, Австрии, Италии в ближайшие же десятилетия стали складываться и не согласно и даже не вопреки его предсказаниям и увещаниям, а совсем.. по-третьему .. Оказалось, что истинное положение дел и распределение сил в Европе и в России было не таково, каким оно представлялось Тютчеву. Теперь уже нельзя без глубоко смущения читать, например, что в «Европе существуют только две действительных силы – революция и Россия..»; что «тысячелетние предчувствия не могут обманывать. Россия, страна верующая, не ощутит недостатка веры в решительную минуту. Она не устрашится величия своего призвания..»; что «Запад исчезает...» в пламени революции, и что «когда над этим громадным крушением мы видим всплывающую святым ковчегом эту империю (Россию).., то кто дерзнет сомневаться в ее призвании» - усмирить революцию.. Можно, конечно, думать, что и ныне происходящие события представляют собой не что иное, как борьбу России с революцией, подобно тому, как болезнь есть борьба организма с.. инфекцией. Но Тютчев, конечно, имел в виду совсем не такую парадоксальную форму борьбы: он меньше всего допускал, что Россия станет перерабатывать революцию внутри своего собственного организма. Напротив, он считал ее как бы обладающей врожденным иммунитетом и именно потому от природы.. предназначенной на борьбу с революционной заразой.¹⁰

Не менее смущают и такие утверждения Тютчева, как, например:

Богемия будет свободна и независима .. когда Россия вступит вновь в обладание Галицией». Немало был бы разочарован Тютчев, если бы он узнал, что .. волею истории, независимости чехов, словаков, сербов суждено быть закрепленной не с высоты «всеславянского престола», но как раз после того, как этот престол опустеет¹¹.

⁹ Tamże.

¹⁰ В. Ф. Ходасевич, О Тютчеве, [w] tenże, Перед зеркалом, Moskwa 2002, s. 89-90.

¹¹ В.Ф. Ходасевич, *Колблемый треножник: Избранное*, Moskwa 1991, s. 233-234.

Великое разочарование – вот что сегодня ощущается, когда мы знакомимся с геополитическими проектами Тютчева. И, конечно, возникает сакраментальный вопрос: почему? Почему его мечтам не суждено было сбыться? Для полного ответа на это вопрос понадобились бы тома исследований. Но, полагаем, сам Тютчев, узнав, что произошло с Россией и Западом, сего любимыми славянами в 20 веке, увидел бы причины крушения Православия и Империи в России в том же самом, в чем он видел причины крушения Запада: в духе гордыни и победе человеческого Я. Можно провести параллель между русским и еврейским мессианством. Одно дело, когда Бог избирает народы для какой-то высокой цели – скажем, евреи были избраны, чтобы нести миру веру в Единого Бога и явить этому миру Спасителя; и другое дело, когда евреи начали считать себя избранным народом в том смысле, что они лучше и достойнее других, а ожидание Спасителя превратилось в жажду политического лидера, который освободит Израиль от врагов и создаст процветающее земное царство. В результате Спаситель был отвергнут, а евреи – рассеяны по миру. Не то же ли самое произошло с русскими в 1917? Ибо одно дело – полагать, что миссия России – нести миру свет православия, и духовно объединять народы под скипетром русского царя в Единой Церкви; и другое – считать, что русские достойны такой миссии, что они этикие «старшие братья» остальных народов, решающие за других, как им существовать в конкретной политической ситуации; тут уж от искушения «земным царством» избавиться сложно, и само объединение народов из духовного становится вполне «материальным», с соответствующими средствами. Вот, например, пассаж Тютчева из статьи «Россия и Германия»:

Становится также понятным, почему друг за другом разрушались от руки России все встреченные на ее пути противоестественные устремления, силы и установления, чуждые представляемому ею великому началу... почему, например, Польша должна была погибнуть... Речь идет, конечно же, не о самобытной польской народности – упаси Бог, а о навязанных ей ложной цивилизации и фальшивой национальности¹².

Замечательно! Вот так, возьмем за Польшу и решим: какая у нее цивилизация и национальность – истинная, или ложная! И если так – то чем это принципиально отличается от критикуемого Тютчевым католического Запада? В 20 веке советские русские попытались за Польшу решить, какой ей быть – результат хорошо известен. Понятно, что таким путем мечта о всемирной православной монархии и всеславянском братстве останется только мечтой.

Справедливости ради, нужно заметить, что Тютчев не рассматривал всемирную православную империю под скипетром русского государя как возникающую экспансионистским путем. Приоритет был сделан все-таки на духовном объединении. По мнению исследователя его творчества Б. Тарасова,

¹² Ф. И. Тютчев, *Россия и Германия*, URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-111-.htm> [dostep: 8.07.2015].

Если под «возвращением Константинополя» .. Тютчев имеет в виду, как и Достоевский, духовное единение православных христиан Востока во главе с Россией и русским царем, то «поглощение Австрии» подразумевает возможный распад Австрийской империи, когда национально-освободительное движение славянских народов создаст условия для их свободного и добровольного вхождения в состав «законной» и «окончательной» Империи.. Позиция поэта не содержит ничего захватнического, поскольку в его понимании материально-насильственные способы единства без свободно-духовного сплочения приводят в конечном итоге к отрицательным для искомой цели последствиям¹³.

Если бы в действительности все было так идеально. Но на самом деле, Тютчев не витал исключительно в розовых мечтах и не был кабинетным утопистом, который погружен в выдуманные им абстракции. Он понимал, что далеко не все в современной ему императорской России так уж идеально, чтобы считать ее полным воплощением империи Византийской, но уже на всемирном уровне. Иными словами, нельзя сказать, что Тютчев не критически воспринимал реальность Византийской, или Российской империй. Он понимал, что вмешательство императоров в жизнь Церкви нередко было очень далеким от идеи симфонии духовной и светской властей. И если поэт однозначно осуждает папощезаризм Рима, то многим ли лучше тенденции к цезарепапизму, которые порой проявлялись в Константинополе?

Тарасов отмечает:

По убеждению Тютчева, как духовенство без Духа есть именно та обуявшая соль, которую солить нельзя и не следует, так и «вещественная сила» Власти без сверхъестественной божественной основы, без глубокого нравственного сознания и примера «обессоливается» и обессоливается, подпадая под все нигилистические следствия антропоцентрического своеволия. Одну из важных причин схождения на мель корабля российского самодержавия он видел как раз в недостаточном внимании к главной миссии христианской империи, в нарушении надлежащей иерархии между религией и политикой в «пошлом правительственном материализме», который в его рассмотрении не только не являлся альтернативой «революционному материализму» .., но и оказывался его невольным и «невидимым» пособником¹⁴.

Поэтому поэт утверждал:

Только намеренно закрывая глаза на очевидность... можно не заметить того, что власть в России... не признает и не допускает иного права, кроме своего, что это право — не в обиду будь сказано официальной формуле — исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в ее глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности... Одним словом, власть в России на деле безбожна [...]¹⁵.

¹³ Б. Н. Тарасов, *Христианская историософия Тютчева*, URL: http://tyutchev.ru/Tarasov_Tyutchev_istoriosofia.zip [dostep].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ф.И. Тютчев, *Письмо А.Д. Блудовой*, [w] *Сочинения в 2 т.*, Moskwa 1980, т. 2, s. 184-185.

Как видим, здесь поэт уже близко подходит к осознанию причин рокового будущего России, хотя он и ничего не знает об этом будущем, полагая, что оно будет исключительно светлым. В том-то и дело, что цезарепапизм в современной ему России был очевиден – иерархия Церкви была обезглавлена (лишена патриарха) и подчинена светскому органу. Государство в своей заботе о православии порой игнорировало само православие. Христианская миссия Империи часто превращалась в заботу только о земном, превращаясь в обычную территориальную экспансию. Говоря о «безбожной власти» в России, поэт, наверно, и не догадывался о том, каким мрачным пророчеством это окажется о России 20 века. И гром грянул с небес.

Конечно, все было не безоблачно не только в отношениях Церкви и Империи; внутри самого православия все тоже было не слишком просветленно. И Тютчев в конце жизни это увидел и оценил. Когда 11 мая 1872 г. экзарх болгарской православной Церкви провозгласил ее независимость от константинопольского патриарха, а тот вскоре объявил ее раскольнической, Тютчев писал:

Одним из наиболее убедительных доказательств нашей общей умственной апатии является глубокое равнодушие, с которым было встречено потрясающее известие о расколе, происшедшем в самом сердце православия, в Константинополе. Это событие – одно из самых значительных, оно чревато самыми серьезными последствиями. Вот мы и опустились до уровня римского католицизма, и падение наше было вызвано сходными причинами: безбожием человека, кощунственно превращающего религию в орудие того, что менее всего на свете с ней связано, в орудие стремления к политическому господству, – и это вторжение политики в область религии не становится менее пагубным, менее разрушительным от того, что оно осуществляется не в пользу традиционной власти, а в пользу тщедушного, нездорового народа... И то, что единство Церкви принесено в жертву подобным соображениям, что раскол стал политическим орудием в руках партий, что традиции грубо попираются самой деятельностью законной власти, – все это ставит нас в самое ложное и самое невыгодное положение по отношению к сильному католическому движению на Западе. Где теперь спасительная гавань, которую православная церковь сулила всем, кто терпит крушение на корабле католицизма? Что случилось со всеми нашими обещаниями? – Скоро мы увидим, способна ли православная церковь найти в себе самой средства для исцеления ран, ей нанесенных¹⁶.

Увы, но образование самостоятельных национальных православных церквей активно продолжилось и в 20 веке. Единство православия при этом не разрушилось, но политические мотивы такой «самостоятельности» очевидны. «Национальное» потребовало, чтобы зависимость от греков была уничтожена (мы сейчас намеренно не обсуждаем вопрос, насколько сами греки были виновны в этих отделениях). Важно здесь то, что секулярный дух преобладания политики над религией здесь проявился в полной мере: главным стало не единство во Христе, но национальное единство. Эти горестные слова Тютчева о церковном

¹⁶ Ф.И. Тютчев, *Письмо А.Ф. Аксаковой*, URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/1971/ln1-376-.htm> [dostep: 9.07.2015].

расколе в угоду политическим соображениям звучат и как прямое указание на современные события: церковный раскол на Украине и попытка создания самостоятельного украинского православия, независимого от Москвы, служат лишним подтверждением справедливости слов поэта, сказанных 140 лет назад. К сожалению, те раны православия, о которых говорил Тютчев в 1872 году, не были исцелены, а затем русскому православию были нанесены такие чудовищные раны, что и сравнить не с чем. Представления поэта об идеальной России, несущей свет миру, о том, какой она должна быть – сохраняют свою актуальность. Но реальная Россия до сих пор оказалась недостойной этого призвания, и была наказана. Что будет дальше – сложно предвидеть. Ясно только, что прогнозы самого Тютчева исполнились иначе, чем мыслил он сам. Его критика западного мира с точки зрения анализа идей – важна и теперь, но геополитические сценарии.. Да, Запад, которому он пророчил революционную гибель, умирает как Запад христианский, но умирает эволюционным путем, реформируя себя во все более антихристианском направлении: количество верующих непрерывно сокращается; жертвенность христианского мира исчезает на глазах; русское православие, пережив жесточайший период безбожия, пытается возродиться, но, конечно, миссия просвещения христианского Запада ныне далека от него – вернуть бы к Богу русских. Но мечта Тютчева – мечта остается, однако такую мечту осуществляют не политики – ее воплощают святые во главе с Христом.

BIBLIOGRAFIA:

В.Ф. Ходасевич, *Колблемый треножник: Избранное*, Moskwa 1991, s. 233-234.

В. Ф. Ходасевич, О Тютчеве, [w] tenže, *Перед зеркалом*, Moskwa 2002

Б. Н. Тарасов, *Христианская историософия Тютчева*, URL: http://tyutchev.ru/Tarasov_Tyutchev_istoriosofia.zip [dostęp: 9.07.2015].

Ф.И. Тютчев, *Гус на костре*, URL: <http://rupoem.ru/tyutchev/all.aspx#koster-sooruzhen-i> [dostęp: 7.07.2015].

Ф.И. Тютчев, *Письмо А.Ф. Аксаковой*, URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/1971/ln1-376-.htm> [dostęp: 9.07.2015].

Ф.И. Тютчев, *Письмо А.Д. Блудовой*, [w] *Сочинения в 2 т.*, Moskwa 1980, t. 2, s. 184-185.

Ф.И. Тютчев, *Россия и революция*, URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-144-.htm> [dostęp: 7.07.2015].

Ф.И. Тютчев, *Россия и Германия*, URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-111-.htm> [dostęp: 8.07.2015].

Streszczenie

Konstantin Anatoljewicz Matakow

Tjutczew o Rosji i Europie

Artykuł prezentuje poglądy rosyjskiego poety i filozofa F. I. Tjutczewa na problem cywilizacyjnych różnic między „światem” rosyjskim i zachodnioeuropejskim. Nacisk został położony na fakt, że Tjutczew widział fundamenty globalnych różnic między Rosją a Zachodem w różnicy między wyznaniami: prawosławiem i katolicyzmem. Jednocześnie współczesny sobie Zachód Tjutczew utożsamia z rewolucją, z której może go uratować tylko Rosja. Autor stara się odpowiedzieć na pytanie: dlaczego te prognozy się nie sprawdziły?

Summary

Konstantin Anatolyevich Matakow

Tiutchev about Russia and Europe

The article reveals views of Russian poet and philosopher F.I. Tiutchev on the problem of civilizational differences between Russian and Western European world. The emphasis is on the fact that Tiutchev saw the underpinnings of global differences between Russia and the West in the difference between the religious confessions - Orthodoxy and Catholicism. However, the contemporary West Tiutchev identified with the revolution, from which it can save only Russia. The author tries to answer the question why these predictions did not come true?

